

Повсюду на стенах и на полу виднелись лишь следы крови да бесчисленные царапины.

Цзян Чжо произнес:

— Как так вышло, что здесь нет ни людей, ни духов?

Ло Сюй ответил:

— Только портреты Сюйле — все до единого расклеены по стенам.

Они прильнули к окну и заглянули внутрь. И верно, наверху всё было увешано изображениями Сюйле. На всех этих портретах божество запечатлело с тем же выражением лица, какое было у тех двух картин на кухне — словно его до смерти напугало нечто крайне свирепое и ужасное.

Ло Сюй удивился:

— Они поклоняются Сюйле, так почему же вывешивают такие картины? Разве лики божеств на мирских полотнах не должны быть радостными?

Цзян Чжо тоже ломал голову над этим:

— Верно. За исключением Тайцина, портреты остальных божеств призваны отгонять злых духов и защищать от бедствий, и художники не стали бы изображать их подобным образом.

Упоминание Тайцина пробудило в Ло Сюе живой интерес:

— Что, неужели Тайцин на картинах вечно хмурится?

Цзян Чжо покачал головой:

— Дело не в том, рад Он или нет. Просто никто Его никогда не видел, и никто не в силах Его изобразить.

Ло Сюй тронул уголок рта, усмехнувшись:

— Тоже верно. Всякий, кто узрит Его, обратится в пепел.

Об этом знала каждая собака: Земля Захоронения Богов, где был запечатан Тайцин, круглый год утопала в снегах и была отрезана от остального мира. Фансянчжаоху, Шесть великих цзигуаней и Двенадцать святых призраков, отправленные Управлением Тяньмин охранять

печать, не смели приближаться слишком близко и дежурили лишь на окраине снежной равнины. Любое живое существо, увидевшее, коснувшееся или почитающее Тайцин, обращалось в пепел. С божествами было то же самое — исключений не существовало.

Поглазев еще немного на картины, они вдруг заметили идущего со стороны главного зала Тяньнинсин. Перекрикивая коридор, она окликнула их:

— Вы что тут делаете?

Цзян Чжо отозвался:

— Любуемся портретами Сюйле.

Тяньнаньсин нахмурилась:

— Всюду ведь одно и то же лицо Сюйле, на что там смотреть? Идите сюда.

Ло Сюй одной рукой прижал Цзян Чжо за плечо и лицом не изменился:

— Маленькая младшая сестрица, какая ты у нас смышленная! А четвертого брата часом не видела?

Озадаченная Тяньнаньсин переспросила:

— Нас же всего трое, разве четвертый брат не здесь?

Цзян Чжо возмутился:

— Чушь несешь, нас четверо!

Тяньнаньсин через силу улыбнулась:

— Хватит шутить, откуда здесь взяться четвертому?

Ло Сюй произнес:

— Ты, я, он, да еще маленькая младшая сестрица — ровно четверо, не так ли?

Едва он договорил, как та самая «Тяньнаньсин» поняла, что прокололась! Она попыталась

сбежать, но Цзян Чжо и не думал ее отпускать. Стоило ему крикнуть: «Встреча!», как посланный по приказу лингуань уже ушел под землю и в мертвой хватке сжал лодыжки «Тяньнаньсин».

Голос «Тяньнаньсин» резко изменился — это оказался мужчина!

— Ищите смерти!

Он распрямился и прямо на месте вырос на несколько дюймов — тощий и длинный, словно призрачная тень. Широко раскинув руки, он схватил по лингуане в каждую руку и запихнул их в рот, принимаясь яростно жевать.

Цзян Чжо изумился:

— Ой, опять ты?!

Стоило тощей призрачной тени показать лицо, как в нем тут же узнали Свата! Однако, как и в прошлый раз с тем книжником, на нем не было румян, но теперь он вырядился в женское платье — ну просто чудеса в решете! Да что же это за тварина такая?! Как он умудряется появляться один за другим, словно марионетка?

Разукрашенный под женщину Сват проглотил лингуаней, громко отрыгнул и помахал Цзян Чжо:

— Иди сюда!

Цзян Чжо поначалу ни в грош его не ставил, ведь в прошлых своих воплощениях тот был до жалости слаб. Но на сей раз всё обстояло иначе: едва Сват взмахнул рукой, как тело Цзян Чжо стремительно поплыло вперед.

Бах!

Деревянный ящик рухнул на пол, а Ло Сюй на ходу перехватил Цзян Чжо за запястье:

— Что это он только его зовет, а меня нет?

Переодетый Сват никак не ожидал, что тот сможет удержать человека. Заметив, что стоящий рядом с противником ящик словно весит тысячу цзинь, он холодно усмехнулся:

— Какой же ты молодец, если полагаешься на силу ящика? Раз хочешь подойти — пожалуй!

И тут же взмахнул рукой во второй раз...

Однако мужчина стоял как влитой, не сдвинувшись ни на дюйм!

Ряженный Сват опешил:

— Какую пагубную ворожбу ты применил?!

И надо же какому исчадию зла хватать наглости спрашивать других о пагубной ворожбе! Цзян Чжо тоже стало любопытно, и он передразнил его:

— А какую пагубную ворожбу применил ты?

Ло Сюй скромно ответил:

— Он всё верно говорит, вся заслуга в ящике. Иначе откуда у меня, простого мастера кисти, мощи справиться с таким великим могуществом?

Сват в женском платье почувствовал себя смертельно оскорбленным:

— Ах так, ну хорошо! Вы вдвоем тут хихикаете, издеваетесь?! Кавалеры Цао, ко мне!

Кавалеры Цао были одним из пяти заклятий повелевания духами клана Хугуй. Цзян Чжо прежде только слышал о нем, но в деле еще не видел. Едва он коснулся ногами земли, как вокруг зашевелились призраки! Эти мертвецы разительно отличались от предыдущих: они явно прошли через сотни битв и были невероятно сильны. И точно — черная тень стремительно метнулась назад, целясь прямо в глаза Цзян Чжо.

Цзян Чжо отступил на шаг и налетел на Ло Сюя:

— Прячься.

Ло Сюй проявил завидное послушание: присел на корточки, прижался к деревянному ящику и кротко отозвался:

— Спрятался.

Цзян Чжо крутанул складной веер и ответил ударом в лоб черной тени:

— Огненное пламя!

Призрачный Веер: Подземный Проводник полыхнул во всю мощь. Взвились алые одежды, и Цзян Чжо, играючи лавируя меж теней, с сухими щелчками одного за другим разил призраков!

Цзян Чжо снова выкрикнул:

— Встреча!

Молодой господин не желал ударить в грязь лицом и во что бы то ни стало вознамерился потягаться со Сватом в женском платье, чтобы выяснить, чье заклятие сильнее! На сей раз «Встреча» призвала неведомо какого духа — под землей раздавалось лишь глухое клокотание, а землю вспучило и исковеркало так, будто там ворочался гигантский дракон или змей.

Сват в ужасе побледнел и поспешно сотворил Предел Знамений, но разве мог его предел противостоять даже трети истинной силы Цзян Чжо? Две багровые гигантские руки выметнулись из-под земли, ухватили переодетого Свата за ноги и принялись волочить прямо к Цзян Чжо!

— Обман небес!

Сват с глухим хлопком обратился обрубок деревяшки. А его истинное тело уже вылетело за дверь и бросилось наутек в глубь чащи.

Цзян Чжо крикнул:

— Куда собрался?

Лингуань вновь ушел под землю, неотступно преследуя Свата и нанося удар за ударом. Не успел он схватить беглеца, как наверх через окно вылетела Тяньнаньсин. Девушка источала свирепую Ци меча, убийственный настрой так и бил ключом. Оглянувшись и заметив Цзян Чжо и Ло Сюя, она без лишних слов занесла руку для удара.

Меч истинной младшей сестры — вещь опасная, от него так просто не закроешься. Цзян Чжо заподозрил, что та наверняка тоже столкнулась наверху с подделкой, и поспешно крикнул:

— Постой, я твой настоящий четвертый брат!

Тяньнаньсин прищурилась:

— С чего бы это?

Цзян Чжо выпалил:

— Птица летит в дубраву, Тяньнань считает звезды!

Эту речевку придумал для них Учитель — бессмысленную и чурающуюся всякой логики, как раз на тот случай, если кто-то из них, только спустившись с гор, попадет в ловушку врагов и не сможет отличить своих от чужих. Впрочем, в детстве такой пароль еще можно было выкрикнуть, но повзрослев, никто бы на такое не решился от стыда, да и при встрече с настоящим сильным противником времени на крики попросту не оставалось.

Тяньнаньсин же тут же опустила меч и серьезно кивнула:

— Ты настоящий!

Только ее четвертый брат был настолько бесстыден, что мог выкрикнуть подобное.

Видя, что Сват в женском платье уже скрылся в чаще, а лингуань все еще преследует его, Цзян Чжо схватил Ло Сюя за руку и велел Тяньнаньсин:

— Прикажи Исполнением Приказа догнать его!

Ло Сюй в свою очередь перехватил Цзян Чжо:

— Я нарисую охранное заклятие и отрежу ему путь.

Сказав так, он вывел круг на ладони Цзян Чжо.

Цзян Чжо удивился:

— Это у тебя сдерживающий талисман или...

Договорить он не успел — оба они исчезли прямо посреди дороги. Тяньнаньсин прижала меч к груди, медленно возвела взор к небу, а затем так же медленно опустила голову. Постояв немного, она убедилась, что на прежнем месте осталась лишь она одна. Девушка глубоко вздохнула и завопила в сторону чащи:

— Вы двое!..

* * *

Горшок из белых костей

Цзян Чжо снова открыл глаза — вокруг царила кромешная тьма. Опустив взгляд на собственные руки, он увидел, что Ло Сюй всё еще застыл в позе рисующего заклятие. Они уставились друг на друга во все глаза, оба ошеломленные: где это они?!

Первым нарушил молчание Цзян Чжо:

— Братец, этот твой талисман...

На лице Ло Сюя проступило смущение, он честно признался:

— Это сдерживающий нечисть талисман, но вышло слишком сильно.

Подобное случалось нередко: наносить письмена заклятия куда сложнее, чем просто произносить их вслух, и даже в самом точном талисмане малейшая погрешность в толщине или изгибе линий могла полностью исказить эффект. В той суматохе из десятка мастеров кисти восемь непременно совершили бы ошибку, поэтому Цзян Чжо не стал придавать этому значения и даже утешил спутника:

— Не страшно, как раз подождем его здесь.

В его рукаве еще оставался свежкупленный осветительный талисман, самое время пустить его в ход. Бумажка вспыхнула без помощи огня, мягко озарив окрестности. При свете оба огляделись по сторонам. К счастью или нет, но они вновь оказались в пещере.

Пещера оказалась тесной и узкой, с ярко-красными стенами, словно обильно покрытыми краской. Однако пол был ровным и сухим, так что пещера вполне могла сойти за природную. Осмотревшись, они обнаружили, что позади путь преграждает завал из обломков — дорога оказалась тупиковой, и вперед вел единственный проход.

Пока Сват еще не явился, Цзян Чжо предложил:

— Пойдем взглянем.

Из-за узости прохода им приходилось двигаться друг за другом, а Ло Сюю и вовсе приходилось пригибать голову, чтобы не удариться. Прошагав немного по узкой тропе, они вдруг наступили на рассыпанные под ногами медные монеты. Откуда в этой глуши, в глубине зловещей пещеры, взялись деньги? Цзян Чжо наклонился, поднял одну монету и, взглядевшись, обнаружил выбитое на ней заклятие отпугивания нечисти.

— Странно это, — произнес он. — Кому понадобилось вырезать заклятия на меди?

Пройдя еще немного, они заметили, что монет под ногами становится всё больше, а впереди

открылся простор — они вышли в сравнительно широкий пещерный зал. Только теперь оба поняли, что перед ними вовсе не естественная пещера, а тайная погребальная камера.

Усыпальница имела прямоугольную форму, а посередине стояла каменная кровать с ширмой. Ложе возвышалось в рост человека, а ширма скрывала то, что происходило перед ним, не позволяя толком рассмотреть переднюю часть. Цзян Чжо заставил осветительный талисман описать круг, и, когда свет упал на узоры ширмы, невольно вырвалось удивленное «ай!».

На ней был вырезан Сюйле. Притом Сюйле с испуганно вытаращенными от ужаса глазами.

Цзян Чжо протянул:

— Уж не гробница ли это кого-то из Племени Огnekормов?

Ло Сюй согласился:

— Похоже на то. Взгляни вверх.

Цзян Чжо задрал голову: прямо над ними на него таращилась пара выпуклых глаз — снова Сюйле. Он заставил талисман светить ярче и с удивлением заметил, что стены и пол сплошь покрыты изображениями Сюйле. Тысячи ликов Сюйле выглядели совершенно одинаково, а из-за мерцания света талисмана казалось, будто их глазные яблоки шевелятся, в упор разглядывая непрошенных гостей.

В погребальной камере явно не было ветра, но Цзян Чжо всё равно чудился леденящий холодок за спиной. Что же стряслось в этих краях, где обитало Племя Огnekормов? Начиная с покинутого селения и заканчивая этим местом — повсюду сквозила сплошная чертовщина. Вспомнив кое-какие слухи об Огnekормах, он уже хотел поделиться ими с Ло Сюем, как вдруг из-за ширмы каменной кровати донеслось:

— Тук, тук, тук...

Звук этот прозвучал столь жутко, что от него пламя осветительного талисмана вмиг погасло. Вокруг воцарилась непроглядная тьма. В мертвой тишине Цзян Чжо ловил малейшие звуки собственного дыхания, кожей ощущая, как что-то с сухим скрежетом выбирается наружу.

Повеяло могильным холодом, и Цзян Чжо выпалил:

— Исполнение Приказа!

Они мгновенно переместились прямо к изножью каменного ложа. Из-за кромешной тьмы разглядеть нападавшего не представлялось возможным. Можно было лишь почувствовать, как

земля под ногами просела, после чего в лицо метнулась мертвенно-бледная костлявая лапа!

Цзян Чжо распахнул призрачный веер, заслоняясь им от удара. Чужие пальцы вцепились в металл, пытаясь силой вырвать у него веер. Вызывая Тайфэна, он бросил:

— Давайте жить дружно, зачем мой веер-то отбирать? А ну прочь!

Удар Тайфэна отбросил противника назад. Но к величайшему изумлению, даже отлетев назад, тварь продолжала мертвой хваткой держать веер за ребро. Цзян Чжо перекосил веер и решительно чиркнул им по воздуху, поджигая кармическое пламя.

Чш-ш-ш...

Полыхнувшее Кармическое Пламя Варахи наконец позволило разглядеть нападавшего — им оказался скелет в одеянии с узкими рукавами! Цзян Чжо на мгновение растерялся, не в силах сходу определить, человек перед ним или призрак.

У скелета на поясе болталась связка крошечных фарфоровых безделушек, а голову венчала кожаная шапка. Лишившись одной руки, он нисколько не растерялся и устоял на Цзян Чжо своими пустыми глазницами, холодно выплюнув два слова:

— Сожжение заживо!

Это было вовсе не заклятие, а приговор Племен Огnekормов, который надлежало подкреплять Истинным Пламенем Палящего Солнца. Однако призыв этого пламени требовал сложнейшего ритуала, в котором должны были участвовать не менее двадцати пяти человек. Этот же скелет едва ли дотягивал до половины человека, как же он сумел его призвать?! Но происходящее и впрямь выглядело пугающе неестественно: едва прозвучало сожжение заживо, как вокруг усыпальницы заплясало синеватое истинное пламя, и два языка огня, переплетаясь подобно хлыстам, со свистом взвились в воздух, целясь прямо в Цзян Чжо.

У Цзян Чжо внутри была Огненная Рыба, способная защитить от жара истинного пламени, но выдержать она могла лишь удар-другой. Если же его опутает этот огненный бих толщиной в человеческую руку, мало того что сгоришь дотла, так еще и намучаешься от боли! Не успел он перейти к решительным действиям, как его запястье крепко сжали — Ло Сюй вновь начертил на его ладони круг:

— Залей его водой.

Цзян Чжо с полуслова понял задумку:

— Бурные Волны!

Брызги взметнулись фонтаном, сперва погасив огненные хлысты истинного пламени, а затем обрушившись на костяного мертвеца. Бурный поток бешено закружил по усыпальнице, и если бы не деревянный ящик, за которым укрылся Ло Сюй, их обоих наверняка размазало бы о каменные стены. Впрочем, даже несмотря на преграду, оба промокли насквозь.

Цзян Чжо прикрывался веером от летящих брызг:

— Ну и волны у тебя!

Ло Сюй, похоже, не вполне справлялся с управлением собственной силой, и каждый его талисман срабатывал совершенно неожиданным для Цзян Чжо образом. Прижавшись друг к другу за деревянным ящиком, они принялись отжимать рукава, а когда буря утихла, каждый осторожно выглянул наружу со своей стороны.

Скелет оказался полностью размыт потоком воды и теперь грудой лел на полу, продолжая судорожно подрагивать. Вокруг валялись медные монетки и те самые фарфоровые безделушки, что висели у него на поясе. Все они изображали мужчин. Благодаря искусному исполнению фигурки открывались со спины — изначально в них полагалось хранить фрагменты костей умерших, но из-за крошечного размера внутрь набивали лишь горсти обычной земли.

Цзян Чжо вытряхнул немного земли на ладонь и растерел между пальцами, находя её подозрительно знакомой. Поразмыслив с мгновение, он внезапно осенило: неужели это снова глина Тайцин?

Если члены Племени Огnekормов хаживали в Гробницу Духов-Кувшинов, они вполне могли раздобыть глину Тайцин у Старейшины Тыквенного Духа. Но те всегда славились дружелюбием к людям и не питали к Старейшине такой лютой ненависти, как некоторые. Зачем же им понадобилась глина Тайцин?

Мысли Цзян Чжо прервал вопрос к Ло Сюю:

— Братец, твоя семья обосновалась на горе Дунчжао, неподалеку от печати Тайцина. Доводилось ли тебе слышать, для чего используют эту глину?

Ло Сюй задумчиво провел пальцем по краю:

— Слышал, будто принесение жертвы с этой землей способно выманить Его наружу. Только вот Он столь свиреп и безжалостен, что едва ли станет покорно внимать чьим-то мольбам.

Цзян Чжо кивнул:

— Верно. Будь Тайцин столь легко призвать, Он не оставался бы в заточении до сей поры. К тому же все эти комья земли — не более чем приманка Земли Захоронения Богов, от них

никакого толка.

Сложив фигурки в ряд, они стали внимательно их рассматривать и заметили, что все мужские фигурки выглядели донельзя причудливо: у одних руки и ноги были вывернуты назад, у других головы и тела перекошены. Более того, застывшие на их лицах гримасы изображали распахнутые в беззвучном крике рты, выражая дикий ужас — словно те прямо сейчас претерпевали невыносимые муки. Зрелище было поистине непостижимым.

Пока они вертели в руках фигурки, снаружи слышались чьи-то шаги. Вошедший в проход человек с грохотом раскис ногами медные монеты и, шатаясь туда-сюда, жаловался:

— Холодно-то как, холодно! Ань Ну, ну-ка запри погребальню, снаружи трое злых духов рыщут, прикончить меня хотят!

Это возвращался ряженный под женщину Сват!

Цзян Чжо окинул взглядом комнату и заметил, что одна из сторон каменной кровати отъезжает, открывая пустоту внутри. Шепнув Ло Сюю на ухо:

— Прячемся внутрь, посмотрим, что он затекает, — он согнулся в три погибели и забрался в укрытие.

Устроиться-то он устроился с комфортом, а вот Ло Сюю пришлось туго — мастеру кисти пришлось втиснуться боком, чтобы каменная плита встала на место. Едва кровать закрылась, шаги внутри усыпальницы прекратились. Самое странное было то, что Сват не зажигал огонь, а просто впотьмах шатался из стороны в сторону. Добравшись до каменного ложа, он вновь завыл:

— Холодно, как же холодно! Замерзаю... Ань Ну, ты где?

Цзян Чжо затаил дыхание, гадая, кто же такой этот Ань Ну. Но стоило ему прислушаться, как плечо неожиданно отяжелело — это привалился Ло Сюй. Тот был на редкость рослым, и теперь, слегка упираясь рукой о стенку, он фактически загнал Цзян Чжо в ловушку собственных объятий.

Не дождавшись ответа, Сват шлепнулся прямо на каменную кровать. Бурные Волны, судя по всему, повредили какой-то механизм ложа, раз позволили сдвинуть каменную плиту, и теперь под весом Свата плита слегка просела. К счастью, реакция Цзян Чжо не подвела — он вскинул руку, удерживая громоздкую крышку.

Готова Ло Сюя опустилась еще ниже, оказавшись почти на одном уровне с лицом Цзян Чжо. Молодой господин еще не успел перевести дух, как его ухо обожгло горячим дыханием — Ло Сюй позвал его по имени:

— Чжиинь.

Цзян Чжо сбился с дыхания — от этого шепота стало щекотно. Скосив глаза, он мог различить лишь смутные очертания лица Ло Сюя. Хотя они не смотрели друг на друга лицом к лицу, казалось, будто их дыхание переплеталось. Было ли это случайностью или нет, но теснота пространства не оставляла выбора...

Ло Сюй продолжил шептать едва слышно, словно доверяя самую сокровенную тайну:

— Чжиинь, я свой ящик снаружи оставил.

* * *

Кража слов

Цзян Чжо приподнял складной веер, склонив голову и тихо отвечая:

— Потом заберем.

Их четверо рук были заняты каждая своим делом, а теснота каменного ложа придавала этой скрытой слежке пикантный оттенок тайного свидания. Дыхание Ло Сюя было легким, и стоило ему выдохнуть имя Чжиинь, как он изрядной заботой воздержался от дальнейших движений. Но сколь бы невесомым ни был его вздох, горячая волна воздуха неизменно оседала на ушной раковине Цзян Чжо, рождая странную, недосказанную истому.

И хотя сам он вел себя примерно, взгляд его оставался на редкость дерзким — Ло Сюй неотрывно разглядывал Цзян Чжо, скользя взглядом от кончика покрасневшего уха до самого уголка глаза. Справа у Цзян Чжо не было красной родинки, и когда он слегка опускал ресницы, янтарные глаза полуприкрывались, и даже в минуты покоя в них таилась неукротимая толика природного изящества.

Заметив это, Ло Сюй внезапно передумал и прошептал прямо на ухо:

— ...Хорошо.

Низкий, бархатный голос растаял в ухе Цзян Чжо, обдав его приятным покалыванием, а горячее дыхание снова окутало ушную раковину. В царившем полумраке невозможно было разобрать, улыбается он или нет, и делает ли это намеренно.

Сват понятия не имел, какая драма разыгрывается прямо у него под сиденьем. Весь дрожа, он прерывистым голосом звал:

— Ань Ну... милый Ань Ну... выходи же! Если ты не появишься, я окочурюсь от холода!

Хрусь-хрусь.

Рассыпанные по полу кости зашевелились, складываясь по косточке одна к одной, и вновь обратились в целый скелет — тот самый костяной мертвец, что был недавно повержен водной стихией. Подняв с пола свое одеяние и набросив его на плечи, скелет хрипло ответил:

— Я здесь, перестань голосить.

Увидев его, Сват затрясся еще сильнее, точно только что вылез из ледяного подземелья, и жалобно запросил:

— Ань Ну, сотвори для меня огонька Истинного Пламени Палящего Солнца.

Ань Ну поинтересовался:

— Что с тобой приключилось?

Кутаясь в одежды, Сват заскулил:

— Я... меня схватили за обе ноги какие-то чертовски сильные лингуань. Их злобная Ци опустошила меня, теперь мне кажется, будто я провалился в ледяную пещеру, как же холодно!

Те «чертовски сильные лингуань», о которых он толковал, судя по всему, были теми самыми земляными духами, призванными Цзян Чжо в ответ на заклятие «Встреча». Но вот что странно: эти лингуань питались исключительно погребальными бумажными деньгами, а живых людей умели разве что волочить за собой. Станный эффект возникал лишь тогда, когда они хватали мертвецов — неужто Сват и вправду был мертвецом?

Подойдя к краю ложа и подметив странность, Ань Ну заметил:

— Судя по твоим ранам на ногах, они не настолько тяжелые, чтобы вызвать такое состояние. Говори правду, ты снова сожрал чужих лингуаней?

Поняв, что отпираться бесполезно, Сват признался:

— Я... я же не со зла! Просто тот сопляк совсем потерял берега и с ходу применил «Встречу», да приказал двум маленьким лингуаням вцепиться мне в ноги. Я глянул — а рожи у этих лингуаней такие аппетитные, ну и не сдержался...

Цзян Чжо едва не рассмеялся про себя: жрал бы себе молча, к чему теперь ломать комедию и придумывать столько оправданий? Впрочем, судя по его словам, подобные трапезы случались у него регулярно. Это невольно напомнило Цзян Чжо книжника с Хребта Мин-гун, который тоже страсть как любил «покушать».

Ань Ну вздохнул:

— После каждой такой пирушки у тебя синеет лицо и корчит живот, и какого хрена ты продолжаешь?

Сват обиженно протянул:

— Какого хрена... Ты еще спрашиваешь меня об этом... Ради чего я всё это делаю, неужто ты сам не знаешь!

<http://bllate.org/book/19195/1885294>